

СЕРГЕЙ ПАГЫН

ДАЛЬ СТОИТ ЗА ВЕЩЕСТВОМ

УТРЕННЕЕ ПОДВЯЗЫВАНИЕ ВИНОГРАДА

Красная лента, белая лента...
Это движение неба и света
в зыбких прорехах листвы виноградной.
Это сплетение лоз над оградой.

Усики щупают воздух и вьются,
тонкие, нежные – страшно коснуться...
Это начало огромного лета –
белая лента, красная лента.

Мама нашла на досуге занятие –
их нарезала из ветхого платья –
платья в полоску, слезу утирала,
может, тихонько отца вспоминала,
может, другое прекрасное лето...
Красная лента, белая лента.

Ну, а теперь они словно из сказки –
эти её дорогие завязки,
словно из праздника давнего это –
белая лента, красная лента...

Тихая, тихая жизнь
глины, вещей и растений...
Что же им делать, скажи,
в этой стихии весенней –

в этом гремящем уже
ливне, разъявшем пространство?
Может быть, им по душе
этот обвал постоянства,

это крушение, когда
небо проходит сквозь глину,
и утоляет вода
жажду ростка и кувшина.

Дерево заглядывает в дом.
Видит человека за столом,
он сидит, упёршись взглядом в стенку...

Дерево выходит за края,
за пределы инобытия,
и в окно протягивает ветку.

Вот колокол, стоящий на земле...
И мёртвый звон в его утробной мгле
не воскресишь ты напряженьем слуха.

Кустарником заросший и травой,
он слышит голос глубины земной,
он – медное надтреснутое ухо.

Мы так хотели праздника, чтоб сад
и стол дощатый, и горела лампа –
как тридцать лет, как сорок лет назад,
чтоб к снеди кот тянул украдкой лапу...

Мы выпили креплёного вина
на пустыре, заросшем дикой вишней,
заели хлебом... И ничья вина,
что давний праздник оказался лишним.

Мы спорили о мире и войне,
продолжили делами бытовыми.
А праздник плыл в отдельной тишине,
помигивая рюмками цветными,

позвякивая ложечкой в меду,
пока совсем во тьме не растворился...
И я теперь ищу, и не найду
то место в мире, где он приютился.

Август высветлил нас до прожилок,
прояснил, как живём мы и жили,
на невидимых взвесил весах,
и нашёл, что легки и мгновенны.
И не будет уже перемены,
даже если метели в глазах

лепестковые ли, золотые,
даже если ветра снеговые
продувают замедленный взгляд...
Мы легки, как тончайшие нити,
словно пламя чудесных наитий
или в зеркальце детском закат.

Памяти отца

Белый самолётик из фанеры.
Он из прошлой жизни или эры
всё летит в небесной пустоте
с тёмным нарисованным пилотом.
Он жужжит, спешит спасти кого-то,
вертится в бессилье на шесте...

Я шеста порой не замечаю.
Я на небо посмотрю, и знаю –
он летит среди ночей и дней,
и когда безмолвие на свете,
ищет ветер, и находит ветер,
дующий из памяти моей.

Какая даль стоит за веществом!
Вот яблоко на блюде жестяном...
Уже совсем не яблоко – зиянье,
а если ближе, то округлый вход
в широкий сад, где яблоня растёт,
и всякий лист – открытость и дыханье.

Когда предчувствие стихает,
как дождь,
как шум ночного сада,
и ничего не обещает
последний выдох листопада,

не тешит сказкою старинной,
моей душе тогда отрадней
не сумрак с тёплой сердцевиной,
а холм и дол зимы бескрайней,

горчинка в воздухе морозном,
незамутнённость сна и взгляда,
под небом тонким и беззвёздным
горячая прозрачность сада.